

варь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 815 с.

30. Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис. – 2002. – 744 с.

31. Хубиев К. А. Современные проблемы методологии экономической науки / К. А. Хубиев // Материалы Ломоносовских чтений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова за 2005-2006 гг.: методология экономической науки и методики преподавания экономической теории: Часть 1. Монография / Под ред. К. В. Папенова, М. М. Крюкова, К. А. Хубиева. – М.: Грант Виктория ТК, 2006. – С. 37-51.

32. Чаусовский А. М. Формальное и неформальное в экономике / А. М. Чаусовский. – Донецк: ДонНУ, 2002. – 206 с.

33. Чухно А. А. Диалектическая философия и методы экономической теории / А. А. Чухно // Экономическая теория. – 2006. – № 4. – С. 3-15.

34. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория / А. Е. Шаститко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. й теории / А. А. Чухно // Экономическая теория. – 2006. – № 4. – С. 3-15. – 591 с.

35. Швырев С. С. Методологический анализ науки. (Его сущность, основные типы и формы) / С. С. Швырев, Б. Г. Юдин. – М.: «Знание», 1980. – 64 с.

36. Шпикуляк О. Г. Інституції аграрного

ринку / О. Г. Шпикуляк. – К.: ННЦ «ІАЕ» УААН, 2009. – 479 с.

37. Шпикуляк О. Г. Інституції у розвитку та регулюванні аграрного ринку / О. Г. Шпикуляк. – К.: Ін-т аграрної економіки, 2010. – 394 с.

38. Элентух И. П. Целостность методологического анализа фундаментальных проблем конкретных наук / И. П. Элентух. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 192 с.

39. Якубенко В. Д. Базисні інститути у трансформаційній економіці / В. Д. Якубенко. – К.: КНЕУ, 2004 – 252 с.

40. Русская служба BBC. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_7233000/7233874.stm.

41. Ходжсон Дж. Достаточно ли универсальных экономических принципов? [Электронный ресурс] / Дж. Ходжсон // Неприкосновенный запас. – 2004. – №3(35). – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/hod3-pr.html#_ftn1.

42. Шапкин В. В. Методологические основания институционализма [Электронный ресурс] / В. В. Шапкин // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2 (38). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3573>.

Статья поступила в редакцию 20.01.2013

Г.П. ЛИТВИНЦЕВА, д.э.н., профессор,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Новосибирский государственный технический университет» (Россия, Новосибирск)

ТРУДНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

В статье рассматриваются специфические проблемы современных институциональных исследований в России и системные трудности развития основных направлений институционализма. Формулируются выводы о состоянии и задачах развития институциональных исследований.

Ключевые слова: институт, основные направления институциональной экономики, модель политика, пределы институционального империализма.

В конце XXв. начались очаговые, а затем фактически повсеместные исследования в духе институциональной экономической теории на территории Российской Федерации, в образовательных учреждениях, научно-исследовательских институтах и научных фондах.

Некоторые итоги институциональных исследований в России были представлены в

© Г.П. Литвинцева, 2013

.....
<http://www.donntu.edu.ua/> «Библиотека»/ «Информационные ресурсы»

<http://www.instud.org>, http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Npdntu_ekon/

работах Нуреева Р.М., Иншакова О.В. и Фролова Д.П., Маевского В.И. и др.¹ Институциональный подход применяется не только в экономике, но и в таких науках, как социология, политология, экономическая география и др. Однако, как показывает анализ, выводы рецензирования кандидатских и докторских диссертаций, отзывы на научные публикации, подготовленные автором данной статьи, исследования по институциональной экономике далеки от конвенциональной ситуации, понимания теоретических предпосылок развития основных направлений институционализма и их корректного применения. Вывод о том, что для «институционализма характерен методологический плюрализм в отличие от методологического монизма неоклассики»² остается, но дополняется архаичностью и методологической анархией. Не принимая во внимание действительно квалифицированные институциональные исследования, можно констатировать следующее: если работа не относится к марксистскому направлению (которое еще знает поколение ученых средних и старших возрастов) и не относится к неоклассической теории (где необходим экономико-математический инструментарий и предельный анализ), то исследование причисляется к институциональной экономике без пояснения, к какому направлению институционализма оно относится. Заметим, что можно выделить как минимум 5 различных направлений институциональной экономической теории: неоинституционализм, новая институциональная экономическая теория (НИЭТ), эволюционный институционализм, традиционный институционализм, новая французская институциональная экономическая теория. Все они имеют свои предметные области, методологические особенности и теоретические предпосылки. Основываясь на идее С. Уинтера о том, что парадигма трансакционных издержек и эволюционная парадигма и

противостоят друг другу, и дополняют одна другую, но обе создают благоприятные возможности для плодотворных исследований³, можно признать, что попытки проведения исследований на основе объединения достижений указанных теорий допустимы. Однако, трудно согласиться с авторами, которые пытаются объединить институционализм (не ясно какого направления) с неоклассикой или марксизмом без объяснения предпосылок. В качестве примера приведем следующее высказывание: «...основополагающие идеи неоклассического направления кладутся в основу современного институционализма как новейшего направления экономической теории». Однако традиционный институционализм отвергает все основные предпосылки неоклассики. Если авторам *mix*-теорий не нравятся какие-либо разделы неоклассики, то они отбрасываются, например теория производственных функций и их известное практическое применение. Органический синтез теорий предполагает не принятие отдельных «удобных» положений и отказ от «неудобных», а анализ данных теорий на предмет совместимости, в том числе совместимости предпосылок.

Социология, особенно экономическая социология, имеет достаточно много точек соприкосновения с экономической наукой, но социологические выводы строятся на иных предпосылках. Вспомним хотя бы модель человека в социологии и экономической теории, или ответим на вопрос: все ли четыре идеальных типа поведения М. Вебера можно использовать для экономического анализа. Модель человека, поведенческие предпосылки являются основными методологическими предпосылками того или иного направления экономической науки, в целом описывающей производство на основе «людных» технологий. В экономической теории развитие модели следующее: экономический человек – контрактный (гибридный человек) – институциональный человек. Замечу только, что модель социологического человека в экономической теории не используется, т.к. один из ее элементов – послушание, равносильное неэгоистическому поведению, когда исключается всякое проявление собственного интереса, в современной экономике вряд ли применим. Поэтому с

¹Нуреев Р. Институционализм: прошлое, настоящее, будущее / Р.М. Нуреев // *Вопр. экономики.* – 1999. – № 1. – С. 125–131; Иншаков О. В., Фролов Д. П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): в 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002; Маевский В. Экономические изменения и фундаментальная теория // *Вопр. экономики.* – 2005. – № 10. – С. 25–39.

²Введение в институциональный анализ: учеб. пособие / Под. ред. В.Л. Тамбовцева. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1996. – С. 38–44.

³Уинтер С. Дж. Теория Коуза и проблемы компетентности и корпорации / *Природа фирмы*: Пер. с англ. Под ред. О.И. Уильямсона и С.Дж. Уинтера. – М.: Дело, 2001. – С. 284.

нашей точки зрения кажется неоправданным «растворение» экономики в социальных науках, а также применение модели «социологического человека» в экономической теории.

Во многих научных и учебных публикациях используется термин «взаимодействие». Например: рыночное, сетевое взаимодействие, реальные и потенциальные взаимодействия, неперсонифицированные взаимодействия, межгрупповые взаимодействия, взаимодействия на политическом рынке и т.п. Представляется, что в первую очередь необходимо дать определение термина «взаимодействие», показать связь с термином «действие» (или «экономическое действие»), поведение индивида и т.п. Возможно нужна операциональная классификация взаимодействий. Особенно эти исследования целесообразны для институциональных направлений, предпосылками которых является методологический индивидуализм, или компромисс методологического индивидуализма и холизма.

Известно, что даже у основоположников институционализма не было единого взгляда на природу институтов. Такое положение дел сохраняется и в современных исследованиях. Зачастую в экономических публикациях под институтами понимают «правила игры», которые ограничивают поведение и принятие решений индивидов и организаций; институциональную инфраструктуру, в т.ч. организации разных типов (к финансовым институтам, например, относят банки, кредитные учреждения); категории, относящиеся к социологии, с обобщением в термин социально-экономический институт; производственные отношения, капитал; кроме того определение института дается с позиции информационных технологий и др. В институциональной экономической теории (в первую очередь в НИЭТ) под институтами понимается совокупность созданных людьми формальных и неформальных правил, выступающих в виде ограничения для экономических агентов, а также соответствующих механизмов контроля за их соблюдением и защиты. Соответственно институциональные изменения – это изменения в формальных правилах, неформальных ограничениях, а также изменения в механизмах контроля и санкционирования. Есть и другое определение: институт – это правило, имеющее внешний механизм принуждения индивидов к исполнению этого правила.

Во-первых, с точки зрения этого определения совсем не понятно, как можно «капитал»

охарактеризовать как экономический институт. Может быть, власть дает основания для того, чтобы сделать вывод о капитале как об институте? Однако сама экономическая власть имеет разные основы: силу, полномочие, статус и иерархию, богатство, знание, харизму, а также капитал⁴. Украинский и русский экономист М.И. Туган-Барановский писал о социальной силе рабочего класса. На нее влияют следующие факторы: соотношение численности рабочих и капиталистов, организованность рабочих (профсоюзы), законодательство о труде, общественное мнение, традиции, образование и опыт рабочих. Можно добавить оппортунистическое поведение рабочих и др. При таком подходе «труд», «земля» и другие факторы производства тоже есть институты!? В результате понятие института размывается и становится всеобъемлющим.

Во-вторых, в одних исследованиях «формула» института дается через правила, а в других – через нормы. Видимо, необходимо более четко прописывать содержание понятий правило, норма, институт, формальные правила и институты, неформальные нормы, чтобы избежать разночтений.

Термин «институциональное проектирование» характеризуется то как сознательное создание новых институтов, то как формирование целенаправленных институциональных изменений. Зачастую не очень понятно, чем он отличается от «институционального планирования».

В предмет разногласий превращается тема прав собственности и собственности вообще. В новой институциональной экономической теории кроме известного пучка из 11 правомочий выделяются следующие режимы собственности: общая собственность (свободный доступ к ресурсу), коммунальная собственность, частная и государственная собственность. В институциональные матрицы С.Г. Кирдина включает общую и частную собственность. В современных публикациях авторы без пояснения используют термин «коллек-

⁴Дементьев В. Экономическая власть и институциональная теория / В. Дементьев // *Вопр. экономики*. – 2004. – № 3. – С. 50–64; Литвинцева Г. П. Институциональная экономическая теория: учебник. – Новосибирск: 2003, раздел 3.5; *Пределы власти / Материалы круглого стола*; О.А. Донских, Г.П. Литвинцева, В.В. Глинский, И.А. Вальдман, И.В. Князева и др. // *Идеи и идеалы*. – 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 4–6, 10.

тивная собственность», «институт общественной собственности», а то и просто «отношения собственности».

Сравнительно меньшее количество исследований посвящено правилам контрактации, в том числе общественному договору (социальному контракту). Обычно тематика общественного договора остается прерогативой социологов, политологов, философов. Практически не исследуются правила контрактации, явные или неявные контракты в организациях, на микроуровне. С одной стороны, это важные ограничения для хозяйствующих субъектов, а с другой, достаточно сложно найти первичный материал для подобных исследований, если только не проводить опрос предпринимателей России. Заметим, что в официальной статистике Росстата отсутствуют данные по франчайзингу, толлингу, аутсорсингу, лизингу и другим современным формам предпринимательства (или современным институциональным соглашениям). Соглашение франчайзинга, например, реально может включать до шести видов договоров, указанных в Гражданском кодексе Российской Федерации. Некоторые сводные данные удается находить на сайтах соответствующих российских ассоциаций.

Не менее загадочной категорией остаются транзакционные издержки (ТАИ). В теории к ним относятся рыночные транзакционные издержки и управленческие транзакционные издержки. Кроме того, В. М. Полтерович выделил издержки институциональной трансформации – это издержки, связанные с переходом от одних правил и институтов к другим. Эти издержки несут все экономические субъекты, включая государство, в период институциональных преобразований. Авторы многочисленных публикаций к ТАИ относят различные расходы, например, расходы на НИОКР и рекламу, расходы по набору работников и подготовку кадров, расходы на командировки работников, представительские расходы, расходы на ремонт оборудования и пр. Более того предлагается применить функционально-стоимостной анализ «при оценке таких затрат». Возникает вопрос с очевидным ответом: корректно ли применение термина «стоимость» при анализе транзакционных издержек. Транзакционные издержки в бухгалтерском учете в Российской Федерации напрямую не учитываются, хотя есть предложения изменить эту ситуацию. С нашей точки зрения методика расчета ТАИ должна включать следующие

этапы. Во-первых, характеристику сектора экономики (транзакционный или нетранзакционный (базовый) сектор), к которому относится организация. Транзакционный сектор – это торговля; заготовки; информационно-вычислительное обслуживание; операции с недвижимостью; обслуживание рынка; обслуживание сельского хозяйства; финансы, кредит, страхование; управление (в российской статистике управление дается вместе с обороной). Все остальные отрасли могут быть отнесены к базовому сектору. На втором шаге даже в организации, отнесенной к транзакционному сектору, целесообразно выделить производственный, транзакционный и управленческий сектор. Далее на основе первичных данных все расходы можно разнести по секторам в соответствии с основными позициями, включаемыми в себестоимость продукции. Здесь остановимся на двух моментах.

1) Значительная часть транзакционных издержек формируется по статьям заработная плата, сырье и материалы, амортизация, прочие затраты. Даже прибыль, используемая для изменения организационной структуры самой организации или для формирования дочерних и зависимых обществ, может быть отнесена к ТАИ.

2) К транзакционным издержкам относятся прямые издержки и потери, обусловленные несовершенством полученной информации, неудачно оформленными контрактами, ошибками измерения, плохо защищенными правами собственности, оппортунистическим поведением работников и контрагентов и др.

3) При оценке величины ТАИ отдельные их элементы изменяются разнонаправленно на микроуровне, а ТАИ микроуровня могут изменяться противоположным образом относительно издержек институциональной трансформации (ТАИ макроуровня). Не обязательно суммарный вектор будет показывать снижение издержек. Поэтому как технологии не всегда приводят к снижению производственных издержек, так и институты – к снижению транзакционных издержек. Все зависит от характеристик технологий и институтов.

Обратимся к государственному вмешательству и экономической политике. Существует три точки зрения на взаимосвязь экономической политики и институциональных аспектов. В соответствии с первой точкой зрения вся государственная политика институциональна, а методы воздействия имеют организационно-институциональную форму. Вторая

точка зрения состоит в том, что кроме административных и экономических методов государственного воздействия на экономику предлагается выделять институциональные методы, к которым относятся: формирование исполнительных структур государственной власти; управление объектами государственной собственности; подготовка экономических прогнозов и программ; поддержка аналитических центров, торгово-промышленных палат, экономических союзов, институтов консультантов и экспертов; правовая и информационная поддержка предпринимательских и профессиональных союзов; участие в экономической интеграции, международных встречах и других мероприятиях. Третья точка зрения – целесообразно отличать институциональную политику от других направлений экономической политики.

Чтобы уточнить сущность и направления институциональной политики, целесообразно вспомнить идеи основоположников социального рыночного хозяйства (СРХ) или германских неолибералов. В. Ванберг отмечает, что теоретики этого направления считали, что «здоровая экономическая политика должна быть, прежде всего, политикой порядка, направленной на создание правовой и институциональной структур»⁵. Ясно, что под политикой порядка понимается институциональная политика. Неолибералы подчеркивали особую роль государства в создании институциональной структуры и считали, что конкуренция не может работать автоматически, если государство устанавливает только определенные права собственности и воздерживается от любого вмешательства. Конкурентный порядок требует проведения институциональной политики, т.е. политики, базирующейся на соответствующей структуре правил и институтов. Неолибералы рассматривали СРХ как экономический, социальный и политический порядок, особенно выделяя социальную политику, стоящую вне конкурентного механизма. Необходимо добавить, что целью институциональной политики нельзя считать создание институтов ради институтов, она должна быть направлена, в конечном счете, на обеспечение социально-экономической эффективности, раскрытие всех возможностей потенциала общества для достижения приемлемого уровня благосостоя-

ния. Для достижения этой цели институциональная политика должна включать целый спектр направлений, обеспечивающих преодоление противоречий между экономическими интересами членов общества и достижение консенсуса. Она должна быть связана с формированием и развитием современных институтов, включая институты открытой экономики, адекватных природно-технологическому базису общества и способствующих развитию его потенциала, с элиминированием провалов рынка и провалов государства, должна включать политику в области образования населения, создания и распространения информации, знаний, научных достижений. Нельзя не сказать о важной роли институтов культуры, формирующих новую систему предпочтений и мотивов поведения индивидов.

Бесспорно, положительным моментом некоторых современных российских публикаций и учебников по новой институциональной экономической теории является обращение к власти, рассмотрению сущности принуждения и насилия. Исторически, по существу проблема власти изучалась и изучается традиционными институционалистами (старыми и современными). НИЭТ, видимо, пытается перейти (или наметить переход) от модели гибридного, контрактного человека (О. Уильямсона) к модели институционального человека, обладающего не только ограниченной рациональностью, оппортунизмом, но и принуждением, насилием (хотя это модель традиционного институционализма, противостоящая неоклассической модели экономического человека). Не вдаваясь в сложную дискуссию о компромиссе между методологическим индивидуализмом и методологическим холизмом, необходимо отметить, что при упоминании принуждения в работах отсутствует основное понятие «власть», «экономическая власть». Последняя относится не только к государству, но и к индивидам, рынкам (рыночная власть), иерархиям и т.д. Некоторые источники, касающиеся экономической власти, были даны в выше приведенных ссылках. Зачастую остается не высказанной позиция авторов по поводу отношения НИЭТ к государственному вмешательству и государственному регулированию экономики и тому, что изменилось в этом вопросе. Данная проблематика институциональных исследований существенно пересекается с экономикой общественного сектора, теорией общественного выбора, а также теорией управления, государственным и муниципальным

⁵Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика // Вопросы экономики. – 1995. – № 12. – С. 87.

управлением, т.е. с исследованиями, авторы которых зачастую не знают, что такое права собственности и трансакционные издержки. С одной стороны, необходимы современные исследования в области теории и практики управления, а с другой стороны, изучение теоретических «пределов» институционального империализма.

В силу неразработанности теории эффективности институтов и институциональной среды постоянно возникает путаница между понятиями эффект от проектирования института, результативность и эффективность институтов, употребляются термины «продуктивность институциональной среды», «качество институтов». Во-первых, необходимо заметить, что эффективность институционального проекта, благодаря которому появился институт, и эффективность института – это совершенно разные вещи. Во-вторых, имеется множество операциональных интерпретаций высказываний Д. Норта об эффективности институтов. Напомним эти высказывания. Институты влияют на экономическую деятельность, определяя наряду с технологией трансакционные и производственные (трансформационные) издержки. ... Трансакционные издержки при этом должны приносить максимальный совокупный доход. Однако рассмотренные выше характеристики политических рынков приводят к тому, что эти рынки могут сохранять и сохраняют непроизводительные институты и организации⁶. Множество интерпретаций данных высказываний варьируется от принципа «второго лучшего», адаптивной эффективности до конкретных показателей эффективности, которые рассчитываются как соотношение эффекта, полученного при использовании института, и соответствующих трансакционных издержек.

Мировые исследования показали, что трансакционные издержки растут, но системы развиваются. Одними трансакционными издержками нельзя измерять эффективность институтов и экономических систем. Если эффект от применения института оценивается параметром S , а трансакционные издержки Tr , то не лучше ли использовать показатель: трансакционной отдачи (S/Tr), или трансакционной емкости (Tr/S), или другие показатели соотношения результатов и затрат. Могут быть показатели как средней, так и предельной трансак-

ционной отдачи или трансакционной емкости. Совершенно понятные с точки зрения расчета показатели в публикациях превращаются, например, в «трансакционную скорость прироста чего-либо». Это приводит к наукообразности текстов, но мало что дает институциональной теории.

Особенно хочется остановиться на институциональных ловушках, под которыми в теории понимаются неэффективные устойчивые институты, имеющие самоподдерживающийся характер. Проблема институциональных ловушек привлекла в последние годы внимание экономистов разных стран постсоветского пространства, занимающихся изучением трансформационных экономик. Однако в некоторых работах вместо изучения причин, сущности и условий выхода из институциональной ловушки, рассматриваются противоречия, существующие в отдельных частях экономики, и способы снятия противоречий. Возможно, противоречия могут быть причиной институциональной ловушки, но вся тематика ловушек к ним, безусловно, не сводится.

В институциональных исследованиях до сих пор сказывается дефицит иностранных источников и ограниченность знания иностранных языков. Отсюда во многих работах отсутствует анализ эволюции того или другого института или институциональных условий развития изучаемого объекта в других регионах или странах. Например, целесообразно было бы подробнее рассмотреть практический опыт формирования институтов развития или особенностей и регулирования институционального монополизма публично-властных структур в зарубежных странах. Представляется, что результаты таких исследований были бы полезны для развития институционального подхода в России.

Исследование проблем развития таких пространственных экономик, как экономика России трудно представить без региональных факторов. Зачастую сомнительна практическая значимость результатов анализа для хозяйственной практики на уровне региона и для разработки программ социально-экономического развития на региональном уровне. В подобных исследованиях не учитываются региональные институциональные особенности, возможности редистрибуции, трансакционные издержки осуществления региональных программ и т.п. На современном этапе развития науки такие исследования могут проводиться в контексте институциональной

⁶Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 7, 14–15.

регионалистики⁷.

Критикуя неоклассику и ее чрезмерно формализованный инструментарий, авторы забывают, что предмет и метод экономической науки, безусловно, взаимосвязаны и должны взаимосогласованно развиваться, а применяемый экономико-математический инструментарий (возможно отличающийся от неоклассических моделей) показывает уровень развития экономической науки. Что же наблюдаем в реальных текстах? В работах вообще отсутствует какая-то бы ни было формализация утверждений автора, нет (хотя бы модифицированных автором) экономико-математических и графических моделей, уравнений, формул, что действительно бы отражало современный уровень научного исследования. В отдельных работах по динамике институтов отсутствуют какие-либо цифры, иллюстрирующие материал. Отдельно можно говорить о корректности использования аппарата математической статистики, качестве эконометрических исследований. Видимо, метод «рассказывания сказок» больше подходит для части научного сообщества, чем математическое подтверждение выводов (если не их доказательство). С другой стороны, акцент на «дикой эконометрике» или теории игр также не позволит объяснить все проблемы, как ранее не позволили многие объяснить оптимизационные экономико-математические модели. «Спор о методе» продолжается. Однако, однозначно можно сказать, что необходимо сочетание количественных и качественных методов в институциональном анализе.

Особенности терминологии и научного языка институциональных работ также вызывают вопросы. Применяются без авторской интерпретации то социологические термины, то экономические, иногда даже физические или биологические (это не относится к биологическим метафорам эволюционного институционализма). Например, статус капитала, пространство общественного организма, ценности акторов, трудолюбие, взаимопомощь и т.п. Нужно отметить, что в некоторых работах вообще не формулируется собственных определений и не ясна позиция автора по затронутым вопросам.

Кроме рассмотренных специфических

⁷Нуреев Р.М. Введение в институциональную регионалистику // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований) – 2010. – Том 2, № 2. – С. 4–6.

проблем имеются системные трудности развития у каждого из основных направлений институционализма. Традиционный институционализм пока не может предложить самостоятельной исследовательской программы, базирующейся на ясных предпосылках, хотя ведется активная деятельность в этом направлении. Некоторые из современных традиционных институционалистов одновременно относятся к представителям эволюционного направления. Экономическая теория включает в себя два аспекта: 1) теорию развития (эволюции) экономической системы; 2) теорию ее структуры и функционирования. Во втором аспекте теория вряд ли может стать эволюционной (как в биологии генетика не заменит анатомию и физиологию). Для системного анализа эволюционные институционалисты должны создать не только теорию эволюции, но и теорию функционирования экономической системы. Критики отмечают, что акцент на транзакционных издержках в НИЭТ нередко оборачивается игнорированием производственных издержек. По мнению эволюционных экономистов, поскольку представители НИЭТ выводят организации, право и другие социоэкономические феномены из процессов непосредственного взаимодействия индивидов, то они пропускают промежуточный уровень – привычки и стереотипы, которые занимают центральное место в традиционном институционализме. Проблемой остается определение индивидуальных предпочтений не как экзогенных, а как эндогенных и изучение процессов, управляющих их формированием. Традиционно отношения собственности связывались с понятием власти. В исследованиях новых институционалистов этот аспект остается в тени. Отсюда тенденция представлять иерархию как особый вид контракта, вертикальные социальные связи – как горизонтальные, отношения господства и подчинения – как отношения равноправного партнерства. Однако нужно признать, что НИЭТ является самым разработанным направлением современного институционализма и его оценка определяется сильными сторонами и результатами, полученными на современном этапе развития теории.

Выводы:

1. Часть современных «институциональных» исследований можно отнести к модифицированному варианту методологического анархизма, и этот вариант трудно квалифицировать как научные результаты, решение

научных проблем и задач. К ним даже трудно отнести выводы работ П. Фейерабенда о том, что все дозволено, все сгодится⁸. Скорее это просто эклектика.

2. Представляется необходимым, с одной стороны, изучать пределы институционального империализма, а с другой, усилить исследования по преодолению системных трудностей основных направлений институционализма.

3. Требуется более реальная оценка институциональных (и в целом экономических) публикаций, докладов, работ, в том числе начинающих исследователей.

В условиях отсутствия конвенциональности среди экономистов растет количество публикаций по эконофизике, биоэкономике, социобиологии и т.п., авторы которых пытаются помочь экономической науке выйти из «теоретического кризиса». Действительно, зачем ломать голову над экономическими предпосылками, моделями человека, эволюцией институтов, историей экономических концепций? С нашей точки зрения это должно вызывать удивление, если не возмущение, экономистов-институционалистов и активизировать творческие процессы в направлении дальнейшего развития институциональных исследований.

Литература

1. Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика // Вопросы экономики. – 1995. – № 12. – С. 86–90.
2. Введение в институциональный анализ: / Под ред. В.Л.Тамбовцева. – М.: Экон. фак. МГУ, ТЕИС, 1996. – 171 с.
3. Дементьев В. Экономическая власть и институциональная теория / В. Дементьев // Вопросы экономики. – 2004. – № 3. – С. 50–64.

4. Иншаков О. В., Фролов Д. П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): в 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

5. Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – 336 с.

6. Маевский В. Экономические изменения и фундаментальная теория // Вопросы экономики. – 2005. – № 10. – С. 25–39.

7. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 7, 14–15.

8. Нуреев Р. Институционализм: прошлое, настоящее, будущее / Р.М. Нуреев // Вопросы экономики. – 1999. – № 1. – С. 125–131.

9. Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма / Р.М. Нуреев. – Ростов н/Д: Изд-во «Содействие XXI век»; Гуманитарные перспективы, 2010. – 415 с.

10. Нуреев Р.М. Введение в институциональную регионалистику // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований) – 2010. – Том 2, № 2. – С. 4–6.

11. Пределы власти / Материалы круглого стола; О. А. Донских, Г. П. Литвинцева, В. В. Глинский, И. А. Вальдман, И. В. Князева и др. // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 4–6, 10.

12. Уинтер С.Дж. Теория Коуза и проблемы компетентности и корпорации /С.Дж. Уинтер // Природа фирмы; Пер. с англ.; Под ред. О.И. Уильямсона и С.Дж. Уинтера. – М.: Дело, 2001. – С. 268–294.

13. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.

Статья поступила в редакцию 30.01.2013

⁸Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.